

12+

А. В. Тихонова

Гексаграмма: Книга алой тайны

Гексаграмма

Алёна Тихонова

Гексаграмма: Книга алой тайны

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Тихонова А. В.

Гексаграмма: Книга алой тайны / А. В. Тихонова — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Гексаграмма)

Мир, скованный льдом, заставляющий каждого выживать в нём. Мир, где магия под запретом. Есть королевские алхимики - исполнители приказов Его Величества. На окраинах страны назревает смута - люди недовольны правительством. А тут ещё и неизвестная болезнь пришла. Недостаточно быть героями, чтобы спасти страну - нужно оставаться людьми.

Алёна Тихонова

Гексаграмма: Книга алой тайны

Глава 1

Колёса маленького чёрного экипажа без вензелей на дверцах, равно как и любого другого указания на его принадлежность, и копыта двух вороних лошадей, тянувших его за собой размеренной рысью, месили жирную бурую грязь, оставшуюся на большом тракте после недели сплошных ливней. Серые занавески на скромных маленьких окошках были плотно задёрнуты, и рассмотреть седока или седоков не представлялось ни малейшей возможности. Глухое и безразличное ко всему выцветшее небо пыталось кое-как прикрыться рваными, дряблыми тряпками невнятной хмари, выглядевшей не лучше жалкой пародии на одежду нищих побирушек на подходе к великолепному королевскому дворцу. Мёртвые деревья, уныло торчавшие по обочинам дороги здесь и там, дополняли впечатление обо всём этом тоскливом и бесприютном крае. Ни одной яркой краски, ни одного живого впечатления здесь было не сыскать. Всё естественное, молодое, энергичное давно или покинуло эти места, или покоилось в могилах. Лошади недовольно фыркали и всё менее и менее охотно перебирали ногами – им тоже тут не нравилось. От всего – разрушенной до фундамента церкви, над руинами которой бестолково вилось и надсадно каркало тощее воронье, или давно брошенной, забывшей, что такое приличные злаки, заросшей вдоль и поперёк буйными сорняками пашни, или заболоченного, не пригодного ни для купания, ни для рыбалки, болезненно-зелёного, затянутого ряской и спрятавшегося за высоченными дебрями осоки и камыша озера гнилью и запустением. Одиночеством и безнадежностью. Выхолощенностью и той бедностью, что уже не совместима с жизнью. Казалось, никакой разницы, в какую сторону двигаться, в подобном захолустье не существовало, всё одно и то же, и нигде спасения нет. В этой дыре давно сгнули добро, справедливость, понятия о государственной власти, и даже интерес ко всему остальному миру. Условно огороженный участок никому не нужных территорий. Как покинутый и забытый погост.

– Дальше я не поеду, – остановив экипаж, высокий и худой, как сухая жердь от забора, возница почти презрительно бросил эти слова назад. Впрочем, не оборачиваясь, словно зная, что этого и не нужно.

Устного ответа не последовало, однако, через несколько секунд пассажир соскочил на землю, причём миг, когда он отворил створку и вышел на приступку, возница не уловил. Даже в тусклом, будто от пытающегося чадить сквозь сплошную пелену густого, как хороший кисель, тумана фонаря, свете немощного блёклого белёсого недоразумения, даже и наименования солнца не заслуживавшего, красные пряди великолепных длинных волос путника вызывающе дерзко блеснули. Такого сочного штриха во всех окрестностях наверняка отродясь не водилось.

– А холодно! Самое оно для прогулки! – весело проговорил он, широко улыбаясь, потирая ладони в белых атласных перчатках, гармонировавших с пейзажем не больше, чем его же длиннополый коричневый кожаный плащ.

Воздух действительно остыл до того состояния осенней мозглости, когда иней уже и под прямыми лучами дневного светила совершенно не торопится таять, а тонкий ледяной налёт на поверхности луж держится вплоть до тех пор, пока на него кто-нибудь не наступит. Облачка пара вырывались изо рта странного путешественника при каждом выдохе, сопровождавшем его речь.

– Может, лучше сядешь обратно, и вернёмся в город? Я ждать тебя не буду, – едва ли не враждебно проворчал возница.

– И не надо, дядюшка! Я не пропаду! – рассмеялся путешественник.

– Все вы так говорите, а никто из навешавших эти места не вернулся, – буркнул вдвое сильнее помрачневший возница и, развернув повозку, укатил в обратную сторону.

– Ну, да, ну, да... – пренебрежительно и с явной скукой сказал себе под нос юноша, тряхнув пышной алой шевелюрой и беспечно помахав рукой вслед.

Этих баек он наслушался вполне, добавки вовсе не хотел, и был рад, что провожатый отбыл, не став развивать тему.

Легкомысленно посмеиваясь, путник зашагал по накатанной бесчисленными телегами, повозками и волокушами колее, и налетавшие то и дело порывы ветра взмётывали его великолепный хвост, выглядевший так, будто кто-то подвязал синей лентой язык самого настоящего пламени. Продвигаясь дальше, он сошёл с проторенной дороги, уходившей в противоположную нужной сторону, и сапоги его захрустели по выстуженной на много метров вниз почве, выглядевшей как замёрзшее болото.

А впечатление от этой окраинной области страны, ютившейся у чёрта на куличках, всё ухудшалось и ухудшалось. Хотя, казалось бы, дальше уже некуда.

Пустые, причём заброшенные не вчера, и даже не год назад, покосившиеся лачуги, едва прикрытые остатками истлевшей соломы, составлявшей основной материал их крыш, беззубо скалящиеся тёмными проёмами оконных квадратов и прямоугольных входов. Огороды, превратившиеся в царство бурьяна – колючего лилового репейника и ядовитой чёрной белены. Коровий остов прямо посреди чьего-то подворья. Можно было бы, пожалуй, решить, что через это место проходили боевые действия, но путник хорошо, как мало кто другой, знал, что в государстве давно не случалось войн. Даже гражданские восстания не осмеливались зародиться. Но что же тогда стряслось здесь? Станный гость знал, что сюда наотрез отказывались переселяться даже те, кто жил в стеснённых обстоятельствах и едва сводил концы с концами, как бы ни сулили им оплатить все расходы на восстановление домов и начальное обустройство. Потому-то и приехал – по приказу расследовать происходящее и докопаться до сути проблемы.

Сапоги легко продавливали чуть подмёрзшую, но ещё недостаточно крепкую для того, чтобы удержать форму под весом человека, сбившуюся в крупные комки жижу. Под толстыми шипованными подошвами, дорогой и качественной резиной из столицы, смачно чавкало. В этом краю вечной зимы иногда всё-таки теплело, отчего все немощёные дороги развозило до состояния "не проехать, не пройти", а средств в казне не хватало, чтобы выложить камнем их все. По преданиям, раньше такое время года называли весной и летом, теперь же отличия были крайне незначительными, и сказки о цветущих садах и полноводных голубых реках большинство читало именно как сказки, наслаждаясь складной ложью и представляя себе этот вымышленный, но такой привлекательный мир.

Пройдя через весь посёлок, путник вышел за околицу и остановился перед огромным пустым пространством, вроде голого луга, ядовито-зелёного, будто ведьмовская отравка, бурлящая в давно не мытом котле. От гладкой поверхности разило, как от давно протухшего варева. Собственные ядовитые испарения мешали всей этой погани замёрзнуть. оно всё время кипело, переваривая самое себя. Путник с трудом разглядел вбитые в редко торчавшие из топи кочки янтарно-жёлтые колышки, и, ничтоже сумняшеся, прыгнул на первый из отмеченных так бугорков. Тот немного просел, но большая его часть осталась торчать над мерзкой булькающей хлябью. Второй и третий холмики тоже не представляли из себя ничего особенного, зато четвёртый чуть не затонул прямо под ногами у красноволосого, тот насилу успел перескочить дальше. Болото надувало пузыри, напоминающие болезненные гнойники, и, с глухими хлопками лопааясь, те наполняли воздух новыми порциями смрада. Путник не обращал на них ни

малейшего внимания, хотя, нормальному человеку от даже четверти подобной вони стало бы дурно.

Островок вынырнул из молочного покрова тумана, плотного, будто тканевая завеса, отгораживающая будуар несовершеннолетней девственницы от остального дома, внезапно. Белая мгла заволакивала топи чем дальше – тем плотнее, всё гуще и гуще заволакивая обзор, так, что и колышки стало почти не разглядеть, и, казалось, заунывное однообразие никогда не изменится, как вдруг искомый клочок суши возник прямо перед путником, будто по какому-то магическому слову, и выглядел он мёртвым и незыблемым, подобно кладбищенскому склепу из цельного гранита. Любому психически адекватному человеку здесь показалось бы, что он уже в загробном измерении. Тишина обволакивала этот жалкий участок стылой земли не подлежащим обжалованию приговором, и даже рядом с виселицей, когда на ней в петле болтается свежий труп, а красноволосому доводилось посещать лобное место на главной площади столицы сразу после казни, не становилось так боязно и одиноко. Он даже ничуть не удивился, когда чуть не наступил на череп с трещиной на затылке и половиной отсутствующих зубов. Узловатые толстые корни погибших деревьев с отслаивающейся корой походили на извивающихся змей, то стелящихся по земле, то высовывающихся из неё морщинистые спины. Того и гляди, зашевелятся, твари... Впрочем, судя по тому, как настороженно и почти опасливо озирался путник – он вовсе не исключал такое развитие событий на полном серьёзе. И, вообще, видимо, ожидал всего, чего угодно.

Туман полз, подкрадывался, затаиваясь между громадных неотёсанных валунов и скапливаясь бесформенным студнем в узких длинных трещинах смёрзшейся почти до состояния камня, хуже души ростовщика и сострадания могильщика, почвы. Когда-то, судя по остаточным признакам, это был вполне плодородный чернозём, но что-то убило его так же, как и весь остров. Путнику даже показалось, что туман, изучавший его с любопытством учёного, собравшегося препарировать новое подопытное создание, как-то замешан в нынешнем плачевном положении острова, и даже той покинутой деревни, что эта выцветшая до сходства с тонким саваном мозгляя знобкая дымка обладает подобием самосознания. Безумие, наверно... Однако, путник не спешил сознаваться в том, что ему на ум приходит мнительная чушь. Он отломил кривой сук от ближайшего дуба и положил перед собой, начертил мелом треугольник с маленькими зубчатыми стилизованными изображениями горящего пламени на каждом из углов, и сухая голая ветка вспыхнула, превращаясь в готовый факел. Вооружившись этим самодельным оружием против сумрака, окутавшего мир вокруг, путник крадучись двинулся дальше. Конечно, остаться незамеченным он не рассчитывал, просто такой шаг, мягкий и плавный, был для него привычным во время выполнения заданий. Он старался не суетиться сверх необходимости и производить поменьше шума, даже точно зная, что добыча уже учуяла его, и готовится дать отпор.

Храм, издалека напоминающий приплюснутый сверху гриб, а вблизи – обращённую в скульптурное изваяние медузу, врывшуюся застывшими в разгар конвульсивных извиваний щупальцами глубоко в грунт. Бахромчатая мятая "шляпка" производила тягостное впечатление запущенного нездоровья. Строение имело мшистый оттенок, на ощупь оказалось обжигающе-холодным. Входа не было, лишь в боку зияла пробоина, достаточно крупная даже для взрослого человека. Огонь, разожжённый путником, от близости к этому странному сооружению панически задёргался, и всего через пару секунд полностью угас. Заметил гость острова и ещё кое-что – туман вытекал именно изнутри этой постройки – если, конечно, её создали рукотворно, в чём он также преизрядно сомневался. Она интуитивно воспринималась как грязная, источник скверны и разнообразных напастей. От неё аж мурашки по коже побежали, а ведь красноволосый не относился к числу повышено впечатлительных. Сознание голосовало против визита внутрь, подсознание и вовсе истошно вопило, требуя убраться как можно дальше, и, желательно, бегом. Но... Путник явно не привык прислушиваться к своим страхам, когда

надлежало выполнять дело. Да, один погасший огонь сказал ему куда больше, чем ему хотелось бы знать. Да, не надо было обладать семью пядями во лбу, чтобы смекнуть – шансы никогда больше не выбраться оттуда настолько высоки, что их лучше не анализировать и не оценивать, чтобы руки заранее не опустились. Да, никто не заставлял его лезть туда в одиночку, даже формулировка поставленного приказа, и он был наделён полномочиями запросить помощь из столицы. Но красноволосый с малолетства проявлял любознательность и самоуверенность, и он не мог не соблазниться перспективой первому разведать обстановку, а там и новую славу, глядишь, добыть. Хотя, собственная известность волновала его мало, а вот лишний раз убедиться в своих талантах было бы вполне приятно.

Так что он, не предаваясь излишним колебаниям, с задумчивой и предвкушающей улыбкой вступил под низко нависающие своды.

Больше всего в узких лабиринтоподобных коридорах храма впечатление производили расположенные в хаотически разбросанных там и здесь стеновых нишах, выточенные из цельных глыб малахита головы, лишённые шеи и всего основания затылка, растянувшие широкие жабы рта в ухмылке до непропорционально маленьких круглых ушей, вытарачившие бессмысленные, слепые глаза, пухлощёкие и гротескно-тупые. Они тускло мерцали агрессивно-зелёным, и являлись единственным источником освещения в необычном святилище. Путник уже сбился со счёта, сколько сделал поворотов и лестниц с низкими, растрескавшимися и частично кое-где даже выломанными ступенями благополучно миновал. Никто на него не нападал, не хохотал зловеще, не подстраивал ловушек.

Пауку невыгодно, чтобы добыча не добралась до центра его логова, где он, собственной безобразной персоной, и поджидает её, потирая мохнатые лапки и щёлкая стальными жвалами. Давать себе отчёт в том, что он представляет собой ни что иное, как пищу, путнику не нравилось, однако, интуиция безошибочно подсказывала, что лишь в таком качестве ему вообще позволили войти. Древний голод затаившегося в недрах храма многовекового зла пробирал его человеческое тело до мозга костей. Одиночество... Вот что охватило путника с головы до ног под плоским потолком, довлевшим над его макушкой. Одиночество, причём не только своё, но и самого храма. Пустынные одинаковые галереи, беззвучно смеющиеся каменные идиоты, знающие, тем не менее, что-то такое, о чём и близко не ведал он, и, соответственно, не такие уж и глупые, а, скорее, саркастичные и хитрые, и, вдобавок ко всему, бессистемные подъёмы и спуски... Всё это смахивало на фантазии спящего безумца.

– Ну, и долго ты меня кругами водить собираешься?! – сердито крикнул путник в игнорировавшее сам факт его присутствия пространство.

Впереди, метрах в десяти, призывно вспыхнуло насыщенно-алое сияние. Оно исходило от расположенного в центре огромной пещеры алтаря, залитого давно запёкшейся жидкостью. Пол вокруг алтаря был испещрён многочисленными знаками и словами на языке, читать который путник боялся. Он как-то улавливал общий смысл запечатлённого текста, и этого более чем хватало, чтобы сообразить – такие речи не должны звучать вслух, никогда и нигде, а озвучивший их предаст само бытие. Они хулили жизнь, и всё чистое и светлое, что та несла в себе, отрицали всякую мораль. Записавший их, давший им власть должен был пограть всё хорошее в себе, от способности любить до соперничества ближним.

Путник похолодел, его зрачки расширились – он понял, что к чему.

– Один из десяти алхимических запретов... Кровавые врата. Призыв демона, – прошептал он.

– А ты соображаешь, – слышалось за его спиной низкое, утробное рычание.

Молодой человек резко обернулся. Клыкастое настолько, что и саблезубый тигр позаиводвал бы, шестиглазое, четырёхрукое, заросшее косматой бурой шерстью, напоминающее помесь буйвола своими рогами, обезьяну – длиной конечностей и хвостом, свинью – рылом, нечто сидело прямо посередине залы, начёсывая одну из многочисленных своих подмышек так, словно выискивало там блох.

– Тебе не больше двадцати, но я чувю – ты вовсе не прост. Алхимиком ты быть не можешь, на службу берут как минимум с двадцати пяти, и никто из них не опустилсЯ бы до визита сюда... Откуда ты взялся, юный идиот?!

Проигнорировав всю эту прочувствованную тираду, медленно стаскивая с правой руки тонкую перчатку, юноша флегматично зачитал, в точности как по писаному:

– Я немало слышал о твоих злодеяниях. Именно в их результате всё на несколько километров вокруг этого поганого капища опустело. Отсюда сочатся миазмы, отравляющие болото. Ты будешь держать ответ за свои грехи перед короной и страной, и вот чем я тебя остановлю.

Он развернул к демону ладонь, показывая сложное, многосоставное, изображение чёрными, глубоко въевшимися в кожу, линиями.

– Балуетесь оккультными псевдоучениями, умеющими лишь бездарно копировать нашу науку?! Да ты вдвое хуже меня! Ты оскорбляешь алхимию такими играми в неё!

– Не тебе об этом судить, – голос странника внезапно из беспечного и едва ли не панибратского вдруг стал ледяным и строгим.

– Раз уж ты так любезно сообщил мне о своём оружии – я убью тебя быстрее, чем ты сможешь его использовать! – заорал монстр.

Враг внезапно прыгнул на него – гораздо быстрее, чем обычный человек успел бы среагировать. Гость не являлся таковым, поэтому успел немного отклониться от траектории движения противника. И всё же тот сшиб его с ног и швырнул через всё помещение, заставляя врезаться в стену. Что-то противно хрустнуло – возможно, рёбра. Парень на пару секунд едва не потерял сознание. Он едва дополз до одной из колонн и, тяжело дыша, привалился к ней спиной.

– Теперь тебе некуда деваться! Я тебя сожру! – надвигаясь на него, торжествующе рычал монстр.

Однако, что-то внезапно сковало движения преступника, и тот замер с занесённой над юношей когтистой лапой.

– Что это?! – взвыл он, вытаращив глаза двумя презабавными шарами.

Вместо ответа гость храма показал ему правую ладонь, с которой исчез рисунок.

– Он пропал?!

– Ты уже должен понимать. Он сошёл на плиты пола твоего святилища и активировался сейчас, прямо под тобой. Гексаграмма всех шести противоположных друг другу, но объединившихся, чтобы судить тебя, стихий, символы двенадцатиключевых алхимических элементов, три круга силы и кольцо, опоясывающее весь рисунок, в виде змея Уробороса, олицетворяющего принцип бесконечности. Тебе не вырваться, это знак абсолютного подавления! Я хорошо подготовился к этой поездке, и нанёс алхимические татуировки на свои ладони заранее.

– Так?.. А что же тогда у тебя на второй? Ещё худшая скверна?

– Тебе это совсем ни к чему знать, ведь скоро ты исчезнешь. Но... Я слегка подстраховался, если запечатывание, вопреки моим ожиданиям, не даст необходимого результата. Я рад, что не пришлось задействовать вторую. Её вид и способ работы мне никогда не нравились, – красноволосый поморщился, очевидно вспомнив о чём-то унижительном и болезненном.

– Но кто же ты тогда такой?!

– Ричард Райен Нойес, капитан десятого подразделения королевских войск, алхимик. Тебя, вероятно, ввело в заблуждение отсутствие у меня военной формы и регалий, а также моя молодость. Ты целиком и полностью прав насчёт устава, предписывающего нижнюю планку

возраста, с которого алхимиков официально регистрируют, но для меня сделали исключение. Единственное в истории.

– Если ты тоже алхимик... То однажды откроешь свои кровавые ворота, – демон вдруг злорадно осклабился. – Однажды тебе не хватит дозволенного, и ты заглянешь за черту.

– Возможно. А, может быть, и нет. Это, уж прости, не твоего ума теперь дело, – лучезарно просиял своему оппоненту Ричард.

Печать закончила преобразование подаренного ей материала, и преступивший законы государства бунтовщик исчез, а вместо него на холодный каменный пол с тихим звоном упало литое серебряное кольцо.

– Интересная форма души... А ты был сильным человеком, очень жаль, – подбирая означенный предмет, прошептал едва слышно Ричард.

Демоны не были какими-то потусторонними существами. Открывая Врата Крови, алхимики распечатывали собственную душу, высвобождая все внутренние табу. Это изменяло их физические оболочки навсегда.

Фиолетово-зелёный бледный круг в нервическом зубчатом венце гало повис над развалинами храма, над изгрызенным тоской и подточенным болотной жижей островом. У Ричарда всегда были неважные отношения с лунной, но сегодня ему особенно ярко померещилось, что у неё есть лицо. Вернее – гротескная маска, пародирующая хохочущее щекастое лицо с маленькими глазками. Ричард считал себя человеком неробкого десятка, но эта морда портила ему самочувствие, действовала на психику, заставляя шарахаться от каждого звука и тщательно избегать затемнённых участков. Он убил таившегося здесь монстра и смыл все дурные рисунки, эти чертежи измерений, куда людям соваться нельзя, и, наконец, основной – открывающий ворота... Достаточно ли этого, чтобы считать покинутые всеми дебри освобождёнными? И его ли теперь это забота? Кажется, очищать местные воды и выяснять, кто из жителей сбежал восвояси, а кто – поглощён ныне сгинувшим злом, ему император не поручал. Да и не мог, поскольку то и другое лежало вне возможностей Ричарда. Ну, ничего, рано или поздно здесь, конечно, всё поправят, а ему пора домой. Может, когда деревня возродится, он её навестит, сувениров ради, теперь же здесь делать больше совершенно нечего, в столице же – все развлечения, на любой вкус. Правда, его основным развлечением будет просьба к императору выписать ещё один пропуск в запретную секцию замковой библиотеки. Алхимикам позволялось туда ходить, но – лишь тем, кто имел высшее посвящение, а его не давали новеньким, пусть те даже проявили себя, как гении. Как минимум, требовалось провести на службе лет пять. Считалось, что истинная преданность короне была необходима для сохранения стопроцентной лояльности даже после изучения грязных секретов всей правящей династии, до самых её истоков, тщательно упрятанных за семь печатей. Этот слух разболтал Ричарду один из старших алхимиков, и, несмотря на то, что Ричард считался исключительно преданным и достаточно талантливым, чтобы для него хотя бы частично сделали исключение, тот алхимик всё равно был наказан тюремным заточением. Нет, Ричард не выдавал его – просто ни один, ни второй понятия не имели о том, что все сведения из секретного отдела императорской библиотеки защищены гексаграммой слежения, мгновенно показывающей, где и кем была выдана не подлежащая разглашению информация.

Тем не менее, именно в закрытой секции Ричард обучался читать лунные и звёздные знаки. Романтики видят на небесах вдохновение для своих произведений, но алхимики подмечают пути. Линии, ведущие к постижению мелких и крупных событий, а также всеобщей природы, единой для всех, от людей до демонов.

Однако, не только луна привлекла его внимание снаружи – окружающие изменения были разительны. Заброшенное святилище больше не казалось мрачным и опасным – оно стало мирным и тихим, как пустая яичная скорлупа. Поверхность же болота покрылась толстым слоем льда. Очевидно, проклятие местности прекратило своё существование полностью. Возможно, теперь-то получится населить деревню.

Глава 2

– Ну, как прошло, Ричард? Понравилось тебе?

– Не очень, Ваше Величество! Ни привлекательных девушек, ни качественной еды, ни красот природы, одно сплошное болото, да самовлюблённый слабак на закуску!

Император удручённо покачал головой.

– Ты же знаешь, что алхимиков твоего уровня в стране сейчас наперечёт, и я предпочёл бы видеть их своими союзниками, а не твоей добычей.

– Ну, простите. Я пытаюсь с ними поладить каждый раз. Они против.

– Знаю я, как ты пытаешься. Не смей меня. Пятый за последние три месяца. Я знаю, что они непростительные еретики, но смерть, хотя и не позволит им творить зло дальше, не возместит того вреда, что они уже причинили.

Ослепительно золотое солнце беспардонно било прямо в слюдяные окна дворца, и Ричард, стоя прямо напротив них, был вынужден шуриться, чтобы иметь возможность разглядеть своего повелителя. Пурпурная тога, хрустальный венец, инкрустированный изумрудами и бериллами, платиново-светлые кудри, обрамлявшие лицо государя настоящей непокорной буйной гривой, и вечная усмешка, неповторимо сочетавшая в себе любопытство, добродушие, симпатию и сарказм. Стоя на одном колене перед этим высоким, статным мужчиной и оставаясь в положении поклона, Ричард не имел права слишком долго на него любоваться, этикет запрещал, вообще-то, даже тон, в котором он обращался к Великому. Привилегии, которыми в этом плане обладал Ричард, вызывали ревность и зависть у половины двора, где не каждому удавалось снискать даже право частных бесед с королём. Однако, покушаться на Ричарда боялись – статус алхимика приравнивал попытки убить его к нападению на Сатану, и примерно с такими же последствиями в случае неудачи. Недаром одним словом "алхимик" пугали, и далеко не одних лишь детей.

– Следующее задание ты будешь проходить совместно с представителем семьи ди Гранель. Надеюсь, хотя бы она сможет что-то с тобой поделаться.

Ишка!.. Сердце Ричарда пропустило полтора такта, кровь отхлынула от его щёк, а потом снова ударила в лицо, и он ощутил, как заливается краской. Его Величество понимающе усмехнулся, немного по-отечески, когда отпрыск надеется что-то скрыть, но ещё юн и зелен настолько, что ещё не начал бриться, куда уж там обучиться тонкому искусству пускания пыли в глаза или сокрытия своих намерений, так, чтобы верили не одни лишь дети да наиболее наивные, не знающие мира личности. Большинство алхимиков преуспевало в обеих этих областях, и за это их презирали и придворные священнослужители, и все двадцать рыцарских орденов. Алхимики, они же правительственные маги, хранители единственной законной колдовской ветки во всей стране. Разумеется, они плевать хотели и на чванливых отцов – столпов религии, и на ханжей-рыцарей. Алхимики уважали только короля, а также других алхимиков, но лишь тех, чьи познания считали не меньшими, чем их собственные... Ричард, однако, примкнул к их числу в официальном порядке относительно недавно, и понимал их не лучше, чем лесных ходяков или горных отшельников.

– Ты должен помнить, что превыше выполнения моих распоряжений нет ничего. Сам знаешь, что нужно будет сделать, если продолжить путь сможет лишь один из вас, – мягко напомнил Его Величество.

Ричард молчал.

– В прошлый раз во время командной работы, Ричард, ты занялся спасением товарищей, и это поставило под угрозу весь успех операции. Если бы вовремя не пришло подкрепление, а ваш противник не ошибся – вы бы не вернулись. Ни один из вас, даже ты, – тоном читающего лекцию математика продолжал король.

Иногда Ричарду казалось, что тот – вовсе не человек, а отыскивающее оптимальное решение государственных проблем приложение к трону. Есть итог – неважно, сколько было жертв, а беспокоит в их отношении короля только то, что затрата ресурсов, в том числе и живых, не окупится выгодами, принесёнными победой. Конечно, это, должно быть, правильный подход, они занимаются важными и нужными вещами, а горевать о каждом, павшем жертвой в процессе – верный способ впасть в безысходную тоску, истрепать себе нервы в ноль и очень дурно кончить, но... Но. Таких высот хладнокровного контроля над собой Ричард, увы, пока ещё не достиг. Он просто не смог заставить себя продолжить исполнять распоряжение короля, слыша, как они горят там, позади. Горят заживо, в пламени, созданном запретной пентаграммой, не только сжигающем плоть, но и заставляющем заново пережить все те моменты прошлого, превратившись в худшие воспоминания. Ранее подобное использовалось в качестве пытки на допросах, но затем было отменено, так как преступники быстрее умирали или сходили с ума, чем признавались, рассказывали ускользнувшие от следствия подробности, выдавали сообщников либо место укрытия несправедливо нажитого. Ричард бы дал на отсечение обе руки, то есть – свои профессиональные инструменты, доказывая что этот метод не может больше применяться никогда и нигде, что одно его использование навсегда обрекает если не на гибель души, поскольку в её существовании он не слишком-то был убеждён, то на утрату права зваться человеком. А король, наверно, ушёл бы дальше. Ричард даже задумываться не хотел, сколь многих необходимо утратить до такой полной атрофии любых привязанностей. И ему было почти страшно размышлять на тему того, любил ли когда-нибудь король, и, если да – то что произошло.

– Так что же за поручение Вы хотите нам дать? – тем не менее, смиренно поинтересовался Ричард.

Центральный двор королевского замка представлял собой правильный десятигранник, имевший в каждом углу по колонне, изображавшей одного из богов или богинь, почитаемых далёкими предками нынешнего населения страны. Сейчас даже имена были забыты, и оставалось лишь гадать, кто такая птицеподобная женщина, имевшая птичьи лапы вместо ног, совмещающая руки с крыльями, прикрытая лишь кусочками ткани поверх полных груди и вокруг чресел... А мужчина, чьи длинные пышные волосы превращались в воду, в которой плескались маленькие рыбки – их очертания скульптор замечательно передал... Или девочка без головы – впервые увидев её, Ричард решил было, что изваяние сломано, однако, судя по тому, как было оформлено завершение шеи, так оно и предполагалось автором. Её единственный глаз был стоял вертикально, имел дырочку-точку вместо зрачка, и располагался между ключицами... Ричард слышал легенды, будто бы каждое из этих созданий было изгнано в этот мир из каких-то других, но этого никто не доказал, никакая известная магия не давала возможности странствовать между разными реальностями... Также некоторые утверждали, что алхимия существовала тоже благодаря им, безмянным чужакам. Мол, именно они в незапамятные времена рассказали о наделённых особой силой знаках и словах. Ричард не знал, благо это или проклятие, хотя, казалось, обязан был чувствовать гордость и благодарность за то, что умеет управляться с ними. Алхимия наполнилась секретами, и не все они являлись добрыми. Он слышал о чудовищных экспериментах по наделению мёртвых тел способностью двигаться, издавать звуки и выполнять простейшую работу, по объединению нескольких существ в единое целое – результаты таких опытов обычно вели себя настолько бешено, что их приходилось немедленно

убивать. Однажды он нашёл у еретика в подвале гигантский куб, похожий на колышущееся чёрное желе, и, когда тот разрежали, вместе с вязкой, кисло пахнувшей слизью оттуда вывалились ещё живые люди, истощённые до такой степени, что почти никого из них не удалось спасти.

– Чари!

Вздвигнув, Ричард обернулся. Его чаще всего называли Диком, Риком или Ричи, и только один человек упорно настаивал именно на этом сокращении.

Она. Леди Ишка ди Гранель, старшая дочь графа Октавиуса ди Гранель.

Ричард, затаив дыхание, в очередной раз залюбовался ею. Блеском солнца на тонкой женской кольчуге, изящными, нежными кистями рук, толстой белокурой косой до пояса. Голубые глаза юной девушки смотрели на него так внимательно и строго, словно он, едва объявившись, уже успел в чём-то перед ней оплошать. Поневоле захотелось вытянуться по струнке и отдать честь, хотя, рыцари бы либо подняли на смех алхимика, ведущего себя подобным образом, либо, презирая алхимиков, восприняли бы такое как личное оскорбление.

– Ты, наверно, совсем забыл, что я велела тебе навещать меня сразу после докладов Его Величеству?

Она стояла там, где крытая галерея, идущая вокруг двора, та самая, которую поддерживали статуи-колонны, создавала стрельчатую арку-проход. Ишке оставалось лишь спуститься по широким и низким беломраморным ступенькам и пройти несколько метров, чтобы оказаться прямо перед Ричардом.

– Извини, я просто не успел... – попытался объяснить он, и замолчал, когда резкий взмах руки оборвал его. Это движение значило лишь одно – она не в настроении слушать оправдания.

– У нас есть работа, Ричард. Отец меня проинструктировал, – холодно продолжала Ишка, – Я спросила, нет ли других вариантов, но мне сказали, что Элиша уехала навещать родственников в Акераос, а Карои занят другим поручением.

Ох, Карои! Если бы ревность могла служить аргументом в верховном суде, Ричард бы вызвал его на дуэль. Впрочем, он почти не пользовался оружием, а Карои – магией, так что поединок в любом случае вышел бы неравным.

– И после этого ты хочешь, чтобы я к тебе приходил? – искренне изумился Ричард.

– Хочу. Ты лучший источник новостей в этом городе. Но сейчас меня интересует не это. Я хочу задать тебе вопрос, пока мы не ушли. Когда я увидела тебя – ты рассматривал эти статуи. Больше того, ты занимаешься этим почти всегда, снова и снова я застаю тебя с таким лицом, будто ты вот-вот поймёшь замысел, с которым их много веков назад поставили сюда... Что ты думаешь об этих существах?

Ричард облизнул внезапно пересохшие от волнения губы. Он едва удержался от того, чтобы ляпнуть первое же, пришедшее на ум – что внешность каменных созданий кажется ему идентичной какой-нибудь древней нечисти, которую он наверняка смог бы отыскать в старых, замшелых фолиантах, пылившихся в замковой библиотеке, если как следует покопаться... Но тут логика явилась на помощь к нему. Если эти твари – зло, почему же они размещены в подобном месте, во внутреннем дворе, уязвимом брюхе огромной твердыни? Отвратительный облик? Ну, во-первых, каноны красоты у всех народов разные, а в ту эпоху замком могли владеть совсем не люди, во-вторых, означенным канонам свойственно меняться, и, наконец, в третьих, далеко не всегда внешность достоверно отображает суть. Кроме того, в тёмные и мрачные, если верить летописям, времена замок мог нуждаться в защите, и, если загадочные монстры не пугали хозяев крепости – они могли устрашать врагов. Отвести сюда гонца соседней страны и поведать ему пару легенд, зловещих, как чёрная луна, а потом сидеть себе и ждать, пока жуткие слухи распространятся там. Это в сказках храбрые и честные воины справедливости приезжают, чтобы очистить земли скверны и греха, а в реальной жизни большин-

ство людей вовсе не настолько доблестны и самоотверженны, чтобы из одних лишь принципов соваться к жуткому, ледящему кровь врагу.

Тем не менее, он не готов был поручиться, что именно так всё и обстояло на самом деле.

– Я не знаю, леди Ишка, – честно признался Ричард.

– Но тебе нравится размышлять о них, не так ли? – она довольно улыбнулась, словно учёная, только что получившая свежий материал для присовокупления к остальным данным и, соответственно, более глубокого изучения. – Такова наша натура. Мы не можем не попробовать докопаться до сути, даже если ответ грозит свести нас с ума.

Она говорила так, будто сама уже знала этот самый ответ, причём доподлинно, и это не могло не раздражать.

– Не соблаговолите ли вы объяснить мне, леди Ишка?

– Нет. Ты должен догадаться сам. Шарады нам даются не для того, чтобы мы сразу же заглянули в список ключей к ним... Ну, вот. Нам пора ехать.

Какое значение имел вообще этот разговор? Чего она пыталась от него добиться? Ишка, отказавшая дюжинам трём увивавшихся за ней кавалеров, умевшая поддержать тему и о музыке, и об оружии, блестящая партия, с точки зрения родословной, и настолько же странная сама по себе. Ричард, как и многие, не мог избавиться от влечения к ней, но она ни единого раза не потрудилась сделать так, чтобы любая его попытка составить единое мнение о ней не заканчивалась одним большим вопросительным знаком. Он даже не мог ручаться, что она считает его другом, хотя, они общались с самого детства. Не принадлежи она к знати – и родня могла бы попытаться запереть непредсказуемое и потенциально даже, пожалуй, опасное создание в четырёх стенах, или сжить со свету... Впрочем, аристократия была ведь чуть ли не ещё менее терпима к недостаткам и отклонениям, удивительно, как Ишку хотя бы не услали куда подальше от столицы... Однако, вряд ли у неё в семье всё было так уж гладко, Ишка не любила даже вскользь упоминать родных, а их поместье навещала так, будто её отправляли на каторгу бессрочно. Ричарда внезапно осенило – вдруг изваяния на королевском дворе знакомы ей? Что, если нечто подобное есть и у неё дома? Богатый род с таким прошлым, о котором даже в алхимических трактатах, по которым он учился, упоминалось – с уважением и опаской.

Ричард старался держаться подальше от завесы над её предками. Больше всего, пожалуй, он боялся однажды случайно обнаружить правду – такую правду, что обречёт всех ди Гранелей, даже тех, кто из алхимии даже простейший круг начертить не сумел бы, на уничтожение именем закона.

Пышущий жаром и паром огромный ржаво-оранжевый поезд медленно отполз от перрона. Поезда нравились Ричарду гораздо больше запряжённых лошаадьми повозок. К сожалению, во всём государстве уже несколько десятилетий как функционировал только один, и приходилось ждать неделями, пока тот совершит полный круг. Кроме того, железнодорожные пути были проложены, мягко говоря, далеко не везде, куда его отправляли приказы императора... Но сейчас они с Ишкой могли преодолеть две трети пути на этой фырчащей тяжеловесной машине с такими большими колёсами, что он, стоя у основания, не мог и до оси дотянуться. Никто теперь не знал доподлинно, откуда взялись поезда, кто их изобрёл, и воспроизвести данную технологию тоже ни у кого не получалось. Ишка побаивалась этого вида транспорта, ей казалось, будто в движение его приводит нечто, заточённое внутри, как в ловушке. Она утверждала, что где-то там, в глубине, мечется обезумевшая от слишком долгого заточения душа. Там, где Ричард видел романтику, нечто возвышенное, свидетельствующее о человеческом гении – Ишка находила лишь страх и отчаяние, и не гордость людей, а затаённый, но до сих пор так и не избытый стыд. Она считала, что, пока от поездов не избавятся окончательно

– стране удачу не познать. Мол, некоторые вещи отбирают дар речи и застилают глаза слезами у каждого, кто способен понимать и разделять боль. Ричарду это было не по нутру, он мог бы поспорить, что она нагнетает, причём нарочно.

– Мы непрошеные гости там, куда мы едем. Может быть, справедливо, если мы никогда не вернёмся, – меланхолично проговорила Ишка, облокотившись на узкую полоску подоконника, глядя, как за стеклом проносятся высохшие леса и пустые поля, занесённые бесчисленными сугробами. Закруглённые углы рамы, жёсткие скамьи, решетчатые багажные полки... Всё это ничуть не занимало её внимание. А ведь полным-полно горожан отдали бы всё за возможность купить всего лишь один билет на этот поезд!

– Вся страна обязана хранить лояльность короне. В том городе забыли о том, кому они принадлежат, – отозвался Ричард, не желая разделять такое пессимистическое настроение.

По полу, гладкому, рыжевато-жёлтому, бежали солнечные пятна, рябящие то и дело про скакивающими тенями самой разной формы и величины, от элементов наружного ландшафта, что мешали лучам дневного светила поступать равномерно. Ричард наблюдал за этой замысловатой игрой света и тьмы, избегая смотреть Ишке в глаза.

– Император объединил нашу страну, чтобы никогда не было больше распрей, а ещё – чтобы соседи не уничтожили крохотные графства, герцогства и баронства, присовокупив их лучшие уголья к своим. Теперь мы – сильная держава, способная потягаться с кем угодно. Возможно, нам стоило бы предложить и тем отсталым государствам примкнуть к нашему.

– Ты уверен, что те, кто отстаёт – именно они? И, даже если оставить это в стороне... Наша великая держава, такая, какой досталась нам... В чём её подлинная суть? Устройства, что мы научились использовать, но не можем наладить... Рукописи, истлевающие в архивах, не имеющие перевода, потому что язык утрачен... Осколок настоящей золотой нации, а не то, что мы представляем собой на сегодняшний день. И мы хотим затоптать, унижить, задавить те немногие ростки, что ещё живут и дышат самостоятельно.

– Проклятие? – Ричард даже не старался скрыть иронию.

Ишка отрицательно помотала головой.

– Я не верю в проклятия, преследующие свыше. Они – лишь одна из форм выражения чёрной магии, негативный оккультизм. Посвящённые, извращающие вверенные им таинства, безусловно, поступают дурно, однако, им не хватит сил сотворить такое с целым миром. Нет, мы губим себя сами.

Ричард поджал губы, скрестил руки на груди и откинулся на жёсткую спинку сиденья. Откуда у неё только берутся такие идеи в шестнадцать лет? За половину всего, что она тут ему наговорила, могли не только посадить в темницу, но и казнить принародно. Не исключено, что ему бы поручили исполнение приговора – обычно это доверяли как раз алхимикам, поскольку рыцари считали это оскорблением своего достоинства, а священники не могли в силу своего сана.

– Вы, алхимики, вызываете отвращение и страх, и не беспричинно. Вам ведь непременно нужно докопаться до основ таинств природы, даже если это значит, что её придётся разложить на мельчайшие составляющие, и неизвестно, удастся ли вам собрать вновь хотя бы половину. Вы регулярно платите высшую цену за крохи знаний, и вы уверены, что оно того заслуживает, но... Те, кого вы истребили только из-за того, что они пытались вас предостеречь... Это такие уж необходимые жертвы?

Ричарду очень хотелось воскликнуть, что уж он-то никогда никого не убивал только за то, что те мешали его обучению, но он вовремя подумал о том, насколько малодушно это прозвучит. Он не убивал, потому что ему никто никогда и не препятствовал, а не происходило этого, потому что до самостоятельных исследований он ещё не дорос по статусу допуска. Он лишь изучал то, что уже было открыто, и за это кто-то понёс ответственность задолго до самого его рождения. Получается, он собрался кичиться своими чистыми, ну – относительно чистыми,

руками, как будто стыдился за своих коллег, как будто их занятия нуждались в оправдании и одобрении. Нет! Нельзя спасти каждого, нельзя предотвратить все ошибки, но они стараются, как могут, и, в конечном счёте, их изыскания служат на благо обществу. Алхимики не только возятся с мутными трактатами и сомнительными химическими смесями – один из них пресёк эпидемию, спровоцированную чёрными ветрами из пустыни, чьим-то злобным колдовством приманенными к окраинным городам, второй изгнал могильных плясунов из столицы! Если кто-то и сможет разобраться в оставшихся после доисторических племён реликтах, разбросанных по всей стране, тут – башня с постоянно дымящейся трубой, там – нечто, напоминающее крытую повозку, и тоже с колёсами, необычными рычажками и шестерёнками, наверняка какое-то древнее транспортное средство, или ещё находили глубоко ушедшие в землю лабиринтоподобные руины, выглядящие не как нечто жилое, а как огромная сложная механическая лаборатория, предназначенная для нескольких десятков индивидов, работающих одновременно... Если кому-то это удастся – то алхимикам, одним лишь алхимикам. Остальные слишком погрязли в догмах, нравственности, замшелых легендах, повторяемых согбенными, высохшими стариками и старухами. Между тем исторические реликты, что дошли в археологических находках и старых, теперь едва понятных из-за архаичности языка, на котором написаны, текстах, сам Ричард понимал как базу, из которой можно почерпнуть новый опыт, но не видел большого смысла слишком уж над ними трястись. Ричард никогда не принадлежал к числу тех, кто считает насущно необходимыми такие вещи, как музеи, и носится вокруг сохранения памятников ушедших эпох. Для него всё это занимало слишком много места, нерациональная трата. Не то, чтобы Ричард жаловался или требовал снести лишние, по его мнению, объекты, но в нём те, кто полагал их важными, встречали более чем прохладного слушателя.

– Ты же знаешь, сколько всякой пакости расплодилось в последние годы, не так ли, Ишка? Если сейчас мы позволим доменам отколоться – начнётся хаос. Их сожрут... Не в переносном смысле.

Даже в их стране далеко не всё население состояло из одних лишь человеческих существ, и политика короля заставляла терпеть всех тварей, пока они не нарушали законы. Его Величество относился к ним как к уникальным этносам, которые нельзя преследовать лишь за то, что они выглядят иначе, и что повадки у них диковатые.

– Да, ты прав... Но не мы ли отобрали у них умение обороняться без помощи со стороны? Король вырвал всем зубы в опасении, что они однажды вцепятся в него.

– Его Величество ничего не боится! – запальчиво возразил Ричард.

– Тогда почему же он так одержим манией контроля?

С Ишкой точно творилось что-то не то. Не показать ли её знахарю, лечащему душевные расстройства и проблемы поиска себя? Но ведь любой знахарь донесёт, и тогда её схватят.

– Послушай, Ишка, тебе лучше о таком не рассуждать. Это плохо скажется на твоём здоровье, и тогда начнутся проблемы, – осторожно намекнул ей Ричард.

Она рассмеялась, прекрасно понимая, что он спрятал между строк.

– Я поражена твоими чуткостью и тактом, Чари, но не тревожься за меня! Я знаю, чего хочу!

Ладно, если так... Кто он такой, чтобы ей мешать? Пусть губит себя, если так нравится. Он не может так распуститься, семья не вынесет, если его осудят, как преступника. Ричарду хватило бы дерзости покрыть позором себя – но уж никак не их, они не заслужили, чтобы от них отворачивались даже на улице, не говоря о продуктовых и вещевых лавках. Он меньше всего хотел бы бросать или предавать Ишку, однако, если встанет вопрос о выборе... О, проклятье, Ричард не мог ругаться за то, что выберет! Оставалось молиться – если бы имелась хоть одна верховная сущность, в которую он бы веровал, – что ему и не понадобится.

Глава 3

Закруглённое острие конуса, завершавшего носовую часть локомотива, моментально привлекло внимание ребятишек, стоило лишь составу застыть перед бетонной платформой. Впрочем, выпуклые бока вагонов, окна по метру в высоту и три в длину, два этажа состава тоже не избежали их внимания. Смотритель станции окриками отгонял их подальше от края, но мальчишки всё равно так и норовили залезть на поражавшую их воображение металлическую конструкцию.

Бронзово-жёлтые башни и зиккураты, высящиеся над крышами домов гигантские зубчатые колёса, вращающиеся с неторопливым достоинством древних артефактов, прозрачные туннели, соединяющие здания, сотни туннелей, подвешенных прямо в воздухе... Просторные круглые сочно-мандариновые плиты заменяли городу этажи, дома были больше похожи на машинные фабрики, чем на жилые строения. И – арки, огромное количество арок, очевидная особенность здешней архитектуры. Город показался Ричарду заводной шкатулкой, переполненной шестерёнок и пружин, где искусственные леди и механические джентльмены, кланяясь и вышагивая вдоль чётко размеченных прямых линий улиц, повторяют один и тот же повседневный ритуал. Играла музыка, Ричард чётко уловил её бравурный ритм: та-та-та, тра-та-та-та, та-та-та-та, тра-та-та, тра-тара-ра-та, тра-та, та-та, тра-та-та-та, тара-та. Праздник, не нуждающийся ни в каких особенных причинах, как состояние души местных. Как будто тут чувствуют победителей спортивных соревнований. Открытая золотистая коробочка. Густые, яркие оттенки. Такими бывают разрисованные, а не настоящие улицы, строения, люди. И всё же эта насыщенно бурлящая жизнь, без сомнения, была вполне реальной. Запахи – не вымышленные. Пахло нагретым металлом – что неудивительно, если учесть его изобилие вокруг, построек из другого материала здесь не наблюдалось вообще. Сладкими цветочными ароматами из распахнутой двери теплицы, у входа в которую две нарядные девушки продавали букеты – диковинное явление, незнакомое столичным жителям, ведь там, в северных широтах, не приживалось ничто цветущее. Свежей сдобой от прилавков, примыкающих к пышущим жаром пекарням.

– Ха-ха, как замечательно! – восклицание Ишки почти потонуло в бесчисленных шумах.

Между подножкой вагона и ровной, гладкой поверхностью перрона навскидку было не меньше тридцати сантиметров, но она легко их перемахнула, сияющая, счастливая изобилием новых впечатлений. Ну, вот, всегда она так, и не скажешь совсем, что ещё совсем недавно Ишка излагала ему мысли, не подходящие ни юной, обаятельной девушке, ни лояльной подданной короны. Понятно, значит, способ добраться до пункта назначения предстоит искать ему, Ричарду. Искать извозчика, договариваться, торговаться... Что-то ему во всём, здесь происходящем, не нравилось. Хотя, вроде бы, та же картина, что и в столице – вплоть до лотков с закусками, размещёнными под цветастыми тентами и предлагающими довольно широкий ассортимент за сущие гроши.

– Ишка, далеко не отходи! И не отвлекайся! Мы не можем задержаться тут до вечера! – предупредил Ричард, но пыхтение и шипение, несущееся со всех сторон, почти заглушило одиночный голос.

Под рельсами зияла многометровая пустота, и до самого окоёма они висели, ни на что не опираясь, и Ричард мог бы вспомнить руны антигравитации, но вовсе не был уверен, что в данном случае применили именно их, а не то устройство, название которого он не запомнил, когда его водили по Академии, показывая последние из освоенных археологических находок. Всё-таки алхимия не слишком-то одобрялась простым людом, и, в особенности – настолько далеко от столицы... Спусков у платформы имелось целых два, они располагались на противоположных сторонах нарядного прямоугольника, и, кажется, Ишка убежала по левому, но Ричард не мог бы за это поручиться. Зато, с правой стороны он подметил весьма характерные вспышки красного и зелёного, вопли ярости и боли пробивались даже через скрежет и лязг движущихся самоходных экипажей, трубные завывания теплоходов на реке, смутно угадывавшейся вдаль,

и гудение каких-то непонятных труб, проложенных повсюду, причём расширявшихся в самых неудобных местах, например, на середине тротуаров.

Невысокий рыжий парнишка с залитым кровью из рассечённого лба лицом отмахивался обеими ладонями от наседавших на него разбойного вида личностей, вооружённых кривыми ножами. С кончиков пальцев этого странного подростка срывались язычки пламени, отталкивающие клинки, заставляющие негодяев отшатываться назад, держась на некотором расстоянии. Однако, Ричарду и гадать было ни к чему, чтобы понять – долго так не рыжий не протянет, он уже устаёт, да и слабовата его защита.

«Он – оккультист. Такие заклинания запрещены. Я не должен им мешать, скорее, обязан помочь в устранении нарушающего закон гражданина... Эх, когда бы я был таким занудой! Ричард, не будь поленом, шевелись, его сейчас убьют, и это будет не правосудие, а омерзительная подлость! Такой кучей – на одного! Ну, держитесь у меня!»

Додумывал он, уже стягивая правую перчатку. Кровь бросилась ему в голову, щёки вспыхнули, взгляд подошёл бы снайперу, уже нацелившемуся на один точный выстрел. Гексаграмма, знак четырёх стихий, вспыхнула неумолимым белым светом. С губ Ричарда не сорвалось лживое лицемерие "Именем императора!", хотя, вероятно, их бы и остановило это, но Ричард не посмел воспользоваться своим служебным положением для того, чтобы прикрыть поступок, о котором императору вовсе никогда не следовало бы узнавать. Спасение еретика! Хотя, с другой стороны, сказал же ему император, что предпочёл бы видеть талантливых молодых людей у себя на службе, а не в могиле? Вот, Ричард его слушается.

У обычных горлорезов против даже начинающего алхимика шансов никаких, а уж против Ричарда... Конечно, всё вышло не сложнее детской игры. Правда, заряда, достаточного для уничтожения, Ричард в удар не вложил, однако, все пятеро потеряли сознание. Прогуливавшая публика тарасилась на произошедшее во все глаза, и Ричард, в сердцах выругавшись, схватил рыжего мальчишку за руку и поволок в ближайший переулок. Главное – оторваться от лишних наблюдателей. Вдобавок ко всему, он потерял Ишку, а карту города забрала с собой она! Ричард понятия не имеет, куда вообще идти, так что, если спасённый не пожелает помочь, поскольку благодарность вовсе не входит в человеческие настройки по умолчанию, туго придётся ему, лицензированному правительственному алхимику!

– Это всё из-за тебя, – сквозь зубы процедил Ричард.

Рыжий дрожал. Похоже, боялся его ничуть не меньше, чем тех негодяев. Ну, ещё бы – если на тебя нападают какие-то уроды, с которыми ты точно знаешь, что не справишься, а кто-то ещё их побил, то, яснее ясного, ты можешь сделать вывод, что тебя ему вполне под силу по такой же прихоти, как толкнувшая зачем-то выручить, просто взять и в любой момент растереть в порошок, и даже не поморщиться. Может, благородный господин, владеющей опаснейшей во всей стране наукой, так развлекается на досуге.

– Ты кто? И что ты натворил? – устало вздохнул Ричард.

– Я... Ну... Я маг. Вы же видели...

– Магия запрещена. Официально существует только алхимия. Всё, что отличается от неё, подлежит уничтожению. И не считай себя особенным. Вспомни Кандальм.

Кандальм был населён высокодуховным народом, практиковавшим управление снами и моделирование окружающей реальности. Что-то там насчёт единой ткани пространства, увидеть которую легко, если знаешь, как и куда смотреть. По приказу одного из прошлых императоров Кандальм был стёрт с лица земли, вместе со всеми жителями, до последнего младенца.

– Вы теперь меня казните? – у пацана губы задрожали, и он остановился. Ричарду даже показалось, что его новый горе-знакомый вот-вот сядет прямо у стены, да и разревётся.

– Освежую и проглочу, не жуя, – без улыбки, мрачно и зловеще проворчал Ричард. – Нет, мы подумаем, что из тебя получится. Сейчас не дремучие века, я берусь попробовать убедить императора.

– Ты знаком с императором?!

– Я на него работаю, – ухмыльнулся Ричард.

И что это за деревенская простота? Не знать, кем может быть алхимик, при том-то, что высшим боевым приёмам учат только тех, кто поклялся в верности правителю, и принял знак короны, свидетельство, что его кандидатуру одобрили... Хотя, нет, и в деревнях об этом известно. Это как не знать о том, с какой стороны поднимается солнце по утрам.

Стоп. Не знать о простейших обычаях страны может только тот, кто в неё попал недавно, причём без предварительной подготовки, ничего не разузнав. Шпион?! Нет. Шпион бы так легко не прокололся. И никто, нигде, никогда не берёт в шпионы таких желторотых дураleeв. Скорее уж, рыжий тут в ссылке. Или был вынужден бежать через границу... Хм. Положение осложнялось в разы, и Ричард уже почти пожалел, что встрял не в своё дело.

Между прочим, он прибыл вообще по другому поводу, и запросто бы обошёлся без лишнего довеска на свою шею! У него здесь есть работа, и он не может взять с собой непонятно откуда свалившегося неловкого птенца. А тут ещё Ишки рядом нет... Ну, такая, разумеется, не пропадёт, в её руках даже заколка для волос могла превратиться в орудие массового поражения, и Ричард не преувеличивал и знал об этом не понаслышке. Но как он ей расскажет, что подобрал нелегального мага, и ладно бы ещё талантливого и опытного – но такого сопляка?.. Ричард уже и теперь мог представить себе её залиvistый хохот и целый ворох реплик, уничижающих его способность к логике. Он точно знал, что нравится Ишке, и что она его искренний и настоящий друг, но это никак не помешает ей поднять его на смех... А, впрочем, общение с нарушителем подобного масштаба – уже само по себе проблема. Мальчишка обязан понимать, что или им ради него придётся совершить криминальный поступок под названием недонесение, или отдать в тиски закона почти ребёнка, помня, что это практически девяностодевятипроцентная вероятность смерти. Магия в руках обывателей – удобный инструмент, если те вдруг затеят бунт, а исключения чреватые всеобщим недовольством, да и чем этот юный дурак лучше остальных? Тех сотен, убитых не за злодеяние, а за то, что у них имелись средства его совершить?

Ричард мог сказать лишь одно. Чем меньше напрасных жертв – тем лучше. И без того слишком многие регулярно гибнут от репрессий и междоусобной резни.

– Я могу сейчас вырваться и убежать... Ну, вы притворитесь, что пытаетесь меня задерживать насильно, я немного ударю вас магией, больно не будет, вы меня упустите, и я скроюсь из виду.

Похоже, мальчишка и впрямь всё понимал, раз предложил такое. Ричард насупил.

– Ты тут и пяти шагов один не сделаешь. Это огромный людный город. Здесь есть блюстители порядка и много достаточно внимательных жителей. Рано или поздно ты себя выдашь, и я ставлю на рано, – терпеливо объяснил он. – Лучше ошивайся со мной. Я постараюсь всё уладить.

У него был шанс, и он об этом знал. Император, скорее всего, не рискнёт ссориться со своим лучшим исполнителем... Во всяком случае, явно ссориться, потому что после того, как Ричард на него надавит, поставит условие, их отношения неизбежно испортятся. А иметь в недоброжелателях власть имущих выгодно лишь тем, кому надоела жизнь.

Мальчик вдруг вцепился в рукав Ричарда той самой хваткой, какую и после смерти её обладателя запросто разжать не удаётся.

– Господин, пожалуйста, можно мне озвучить одну просьбу к вам? Всего одну! – взмолился этот недо-маг.

– Ну, давай, – буркнул Ричард тоном "желательно побыстрее".

– Если меня осудят – я хотел бы, чтобы именно вы привели всё в исполнение...

Ричард отшатнулся, чувствуя, как его пробивает мгновенная дрожь.

– Нет! – выдохнул он в ужасе прежде, чем успел хоть немного подумать над тем, какую услугу окажет этому молокососу, идиоту, бездельнику... Да не имеет значения! Вот теперь он точно не отступится от решения защитить новообретённое чудо!

Дети не должны умирать! Ни от болезней, ни насильственно – никак! Ричард уже переступал через себя во многом и многом, и он вовсе не считал себя хорошим человеком. Но есть же предел! Есть грань, отделяющая его от чудовища хуже того, что было упокоено на болотах!

– Я не буду этого делать! – рявкнул Ричард и схватил мальчика за плечи, забыв о задании, Ишке и всём остальном. – И никому не позволю! Ты меня слышишь?!

– А разве это вам решать? – грустно и тихо пролепетал мальчик, изрядно перепугавшийся, но всё равно не отводящий взгляда.

– Кому же ещё, как не мне?!

– Тем, кто подписывает ваши приказы...

– Они могут использовать меня как своего агента, но не заставят опуститься до подлеца.

Мальчик смотрел на него совсем не по-детски. Вот ни капельки. Как будто прошёл через несколько войн и пару боен, знает цену и обещаниям, и благодетельству, уже наблюдал за тем, как ломают и втаптывают в грязь десятки сильных и смелых. Ричарду показалось, что этот парнишка старше его, причём намного. Тьфу, пропасть, да какая же пакость тут творится?!

– Ладно. Хорошо. Я докажу тебе.

Отчего-то Ричарду показалось очень важным помочь этому заблудившемуся в чужом городе подростку заново довериться людям. Понять и принять то, что ещё не все думают лишь о том, как бы нагрести побольше благ да сохранить собственную шкуру, даже если по пути наступать на чьи-то головы.

Внезапно из соседнего переулка, голоса так, что, наверно, на другом конце квартала было слышно, выбежали несколько хорошо одетых мужчин, судя по цветам и покрою их нарядов – преуспевающих торговцев. Не рядовых, стоящих за прилавками, а хозяев.

– Да она вовсе спятила!

– Её лук проклят!

– О чём ты, умом расслабился, что ли?! Эта стерва сама проклята!

Следом за ними опрометью пронеслась стайка визжащих прачек в одинаковых ливреях – вероятно, принадлежащих одному и тому же дворянскому дому.

– За мной! Туда! – скомандовал Ричард и побежал в ту сторону, откуда появились все эти личности.

Мальчик беспрекословно подчинился.

Перед огромным зданием, выглядевшим как богатый, редчайшей роскоши и красоты, дворец, стояла Ишка и посылала стрелу за стрелой поверх голов толпы, впрочем, уже изрядно проредившейся – у большинства сдали нервы, и каждые секунд десять кто-то ещё бросался наутёк, не разбирая дороги.

А особняк был охвачен пожаром, начавшимся далеко не только что. Желая выделиться и отнюдь не ограниченный в средствах, явно не зная, куда их девать, хозяин прибавил помимо вездесущих металлов также и множество горючих материалов. Теперь наверняка жалел об этом, ведь, будь дворец сооружён по общим правилам – пожар бы, скорее всего, даже не занялся.

Ричард выхватил из кармана белый мелок, нашёл на тротуаре никем не занятое и ничем не испачканное пространство и размашисто нарисовал алхимический символ воды, добавив знак усиления и вектор направления. Он старался не торопиться, хотя времени оставались даже не минуты, а секунды. Хотя бы малейшее отклонение от необходимого рисунка – и не подействует. Алхимия не терпела безалаберности и фамильярности, хорошо если символ останется просто бесполезными линиями, а ведь откатом могло ударить и по начертившему их алхимику. Посыл энергии для активации... И на дворец обрушился целый водопад. Окаатило и многих из

тех, кто стоял близко к огню, то ли зачарованный его пляской, то ли ведомый любопытством, а, может, даже и злорадствующий. Ричард ничуть не сомневался, что им всем досталось делом. Если праздные зеваки таращатся на чью-то беду, не ударяя палец о палец – они либо безнадежно глупы, либо непростительно жестоки.

– Чари! – закричала с очевидным облегчением Ишка. – Ты вовремя! Ещё немного – и у меня кончились бы стрелы!

– Я же чертил символ дубликации на вашем колчане, леди Ишка, – недоуменно моргнул Ричард. То ли от волнения, то ли от того, что они говорили не наедине, он снова перешёл на официальный тон.

Этот знак, функционируя как надо, воспроизводил копии стрел, как только Ишка забирала их, и в том же количестве. Он работал на вложенной Ричардом энергии и в точности копировал состав материалов, плотность и прочие параметры. Ричард знал, что запас сил у символа не бесконечный, но полагал, что протянет его подарок дольше.

– Он очень бледный, его почти не видно. Извини, что не сказала раньше... Я заметила, только уже ввязавшись в это безобразия.

– Дай, подновлю... – Ричард коснулся ладонью знака, вливая в него дополнительные ресурсы. Из едва заметного тот стремительно вновь набирал яркость и чёткость.

Остатки сборища покинули площадь перед дворцом, и они остались втроем. Ричард прорисовывал мелкие детали знака, мальчишка молчал и держался чуть в стороне, Ишка кусала губы.

– Знаешь ли ты хоть кого-то, более слабого и неестественного, чем человек? – наконец, спросила она.

– Неестественного? – Ричард поднял на неё глаза.

– Да! Только мы истребляем просто так и любимся агонией! Кем надо быть, чтобы развлекаться тем, как кто-то страдает от горя или терпит телесные раны?!

– Ишка... – с беспомощной печалью промолвил Ричард. – Что здесь вообще произошло?

– Кто-то поджог особняк, а они вместо поисков виновника стояли и глазели! Уж не знаю, кто здесь жил и кому перца за шиворот насыпал, что они решили так расквитаться, но те, кто может любоваться чужой агонией и смертью, никуда не годятся! – Ишка вся буквально пылала негодованием и отвращением к такому низкому поведению. – Я не слаонервная, ты знаешь, ведь мы с тобой вместе повидали немало мерзостей, но глубины человеческого малодушия и подлости никогда не перестанут меня изумлять!

– Надо проверить, уцелел ли кто-нибудь внутри, – пробормотал Ричард, не найдя, что ещё сказать. Ишка была права от и до, но натуру посторонних людей не изменишь.

– Точно, – и, не теряя больше ни секунды, она быстрым размашистым шагом направилась ко дворцу. Ричард кинулся её догонять.

Вот только войти им, разумеется, не дали.

Фигуру на балконе они заметили слишком поздно. Высокое существо в потрёпанной, заляпанной разноцветными пятнами безобразно ярких и отвратительно ядовитых оттенков хламиде оружия в руках не держало, но несло какой-то странный дымящийся горшочек. Его-то содержимое незнакомец – или знакомка? Надвинутый капюшон мешал точно определить и половую принадлежность, и возраст, – как раз-таки и вывернул на головы непрошеным визитёрам. Нечто едко шипящее обожгло Ричарду плечо, и, что хуже, он ощутил, как его волосы плавятся, и кожу на затылке печёт. Рядом пронзительно закричала Ишка.

Вот так оно и бывает. Становишься беспорным профессионалом в своей области, расслабляешься, мол, уже сто раз на таких миссиях бывал, что на сто первой сделается... И неизбежно вляпываешься в дерьмо. Отборное, смердящее хуже дюжины полежавших с неделю в закрытом жарком помещении трупов. Ричард успел панически сказать себе, что на них пролилась кислота, и вот сейчас всё будет кончено для обоих... Но вместо этого обнаружил, что,

хотя и ошпарен, но вполне жив, зато мужчина наверху заливается торжествующим, злорадным смехом. По этому дикому хохоту, достойному бунопомешанного в период обострения припадка, Ричард и определил, что там именно мужчина. Видимо, наделённый странным чувством юмора.

– Видели бы вы себя со стороны! Это же всего лишь горячая вода! И я даже подождал, пока она немного остынет! – жизнерадостно сообщил незнакомец.

Желания идти туда и справляться о состоянии этого человека или его домочадцев у Ричарда изрядно поубавилось, но Ишку было отнюдь не так-то легко сбить с толку.

– Вы идиот или притворяетесь?! Нельзя так обращаться с людьми, особенно когда они помогли вам не стореть заживо! – заорала она.

Ричард молчал, пытаясь не поддаваться панике и сообразить, у кого можно узнать дорогу в ближайшую знахарскую лавку, поскольку резонно сомневался, есть ли смысл обращаться с этим вопросом к непосредственному виновнику. Даже если не учитывать ожоги, превратившие их с Ишкой в два пугала – после устроенного ими со стрельбой и спецэффектами представления никто не заговорит с ними. Хорошо, если не вызовут уполномоченных схватить буйных чужаков и бросить в темницу солдат.

– Что у вас за вид такой нелепый? Разве среди вас нет алхимика?

– Я занимался развитием боевых навыков и не владею лечебными пентаграммами!

Стыдно, однако, исправление этого недостатка Ричард всё откладывал и откладывал в долгий ящик, полагаясь на соратников. Элиша отлично справлялась, как-никак, её основная специализация, пять лет обучения у жриц какого-то горного храма, где, как понял Ричард, поклонялись небесам. Этого он не понимал – облакам, что ли, подателям снега, решавшим, увидит ли кто-то сегодня солнце или нет? Как вообще можно полагаться на что-то, до такой степени холодное, далёкое и абстрактное? Он пытался спрашивать Элишу, но это было похоже на чтение трактатов древних философов – всё изложено, вроде бы, вполне нормальными словами, а общий смысл ускользает, как силуэт в тумане. Она говорила что-то о незыблемости небес, и что они останутся, даже когда вся земля внизу исчезнет. Всё это изрядно напоминало то ли нелепый мистицизм, то ли дурной апокриф... Да, Элише нравилось её дело, она была счастлива своим призванием, но Ишка являлась таким же бойцом, как он, и тоже плохо разбиралась в медицине. Ей это всегда казалось скучным. Вообще говоря, государственному алхимику полагалось знать целебные смеси и ритуалы, но у всех ведь имеется то, что им не даётся, не так ли? Да, пропустил он немалый пласт полезного и нужного, и всё обещал себе однажды наверстать, но руки никак не доходили. Неудивительно – поручения от короля и высокопоставленных сановников дёргали его во все стороны, не давали отдохнуть и сосредоточиться на себе, собственных нуждах.

– Позвольте... – едва слышно пискнул мальчик. – Я знаю такое заклинание. Мне от мамы досталось перед тем, как она умерла, – явно стесняясь, добавил он.

Ричард в ужасе уставился на него, но было слишком поздно – сказанного не воротишь. Не просто маг, а потомственный! Это же вдвое хуже! В каждом поколении дар возрастает... Его же растерзают приверженцы закоснелых предрассудков, не моргнут! Таких, кто получил способности от предков, ненавидят чуть ли не больше, чем красных песчаных змей, тех самых, что вызывают лихорадку, вызывающую жар и бред, а под конец – перекручивающую позвоночник! Этот ребёнок уже труп ходячий, дальше некуда! А такой болтливый язык обречёт его ещё до конца месяца! И это – лишь если хозяин особняка окажется более просвещённой личностью и не задумает устроить самосуд прямо здесь и сейчас!

Глава 4

Внутреннее убранство дворца почти не пострадало. Ричард с неудовольствием отметил чрезмерное количество золота – ему это казалось безвкусным, – золотые колонны, золотые

люстры, золотые узоры на стенах и потолке. Хозяин словно бы хвастался своим богатством, как если бы оно давало ему право возносить себя над всеми остальными людьми. Ричард слишком хорошо знал таких – смысл жизни они мерили деньгами и имуществом, нищие для них были исключены из числа личностей, чьё существование хоть сколько-нибудь оправдано, даже если те гибли или страдали сотнями. Как алхимик, Ричард не уставал восхищаться сложностью любого одушевлённого организма, не воспроизводимой ни наукой, ни колдовством, ни ритуалами трансмутации. Каждое создание в мире казалось ему уникальным шедевром и невосполнимым сокровищем, поэтому он никогда не мог понять, как в принципе измеряется их ценность. Уж точно нельзя купить, и уж, тем более, продать. Да, он был в курсе о том, что некоторым удаётся, но всегда протестовал, по возможности препятствуя гнусной и бесчестной чёрной торговле. Власть даётся для защиты и помощи – такого убеждения Ричард придерживался.

– А теперь расскажите мне, за что они подожгли ваш особняк, – Ричард говорил как судья, готовый на законных основаниях довершить начатое толпой.

– "Мальфуга Мелионис", – лаконично промолвил мужчина.

– Что?! – даже прежде, чем Ричард успел отреагировать, взвилась Ишка. – Откуда он у вас?!

– Привезли куллары из храма Трипины, что в голубой пустыне. Я купил её у них... Они не знали, что держали в руках, и я заплатил за библию чернокнижников как за старый хлам. Посудите сами, зачем им богатство? Они к нему не привыкли, подбирают мусор и торгуют им.

Храм Трипины, давно забытой богини, отвечавшей, кажется, за смену суток. Скорее всего, книгу спрятали там, потому что её святилища уже много веков как были никому не нужны – ни одной, даже самой маленькой, принадлежащей ей секте на свете не осталось. Нет, верующих в Трипину не изгоняли и не запрещали, ведь они никогда никому не делали ничего плохого, разве что ритуалы их обычно считали странноватыми и эксцентричными. Увы, но несчастные как-то сами постепенно исчезли.

– Вы могли бы чуть больше уважать чужой труд, – процедил Ричард.

– Труд?! – расхохотался хозяин особняка. – Эти рыжие отродья диких псов не способны трудиться, они только побираются, тащат всё, что плохо лежит, и подбирают выброшенное. Лживые животные получили то, что заслужили.

Ричард испытал подспудное желание подпалить дворец ещё раз, но теперь уже не помогать. Ему стало понятнее нежелание местных вступаться за высокомерного и самовлюблённого господина. Видимо, они вмешались вовсе не в бессердечную расправу толпы над невинным, а на аристократа, в кои-то веки чуть не получившего по заслугам. Оставалось лишь гадать, как долго в них зрело возмущение, в итоге прорвавшееся огнём – в буквальном смысле.

– У вас такое низкое мнение о других людях? Куллары, во всяком случае, не трусы! А вы... Даже не позаботились о себе!

– Я находился в безопасности, в винном погребе. Наверху оставались только слуги, а их легко заменить, – безразлично пожал плечами хозяин.

Ричард вскочил, но Ишка успела раньше. Пощёчина вышла меткой и звонкой. Хозяин ошарашенно уставился на неё, так смотрят на любимую ручную собачку, внезапно вцепившуюся в кормящую её ладонь. Недоумение в его глазах указывало на человека, непривычного к физической боли и насильственным действиям против него. Что-то в этом взгляде было от балованного ребёнка, которого даже никогда не наказывали.

– Я вам прощаю эту вульгарность, леди, но только один раз.

Ричард забеспокоился, что она брякнет что-то в духе, мол, ей не нужно это унижительное снисхождение, но Ишка протяжно выдохнула и села, сложив руки на коленях. Он всё ещё видел, как она кипит, но больше наружу ничего не выплеснется, она не станет так риско-

вать. Ричард нервно сглотнул. Он обязан предпринять нечто умное, не позволять обращаться с ними, как со слепыми щенками! Как осадить этого зарвавшегося бессердечного себялюбца?!

– Как королевский алхимик-инквизитор, уполномоченный творить правосудие над теми, кто нарушает мир и покой государства, я обязан донести на вас, – бесстрастно отчеканил Ричард.

– Как королевский алхимик, вы были обязаны уничтожить этого мальчишку сразу, как только поняли, что у него есть магический дар. Не думаю, что ваше прегрешение стоит меньше моего, – хладнокровно парировал хозяин. – Вы ведь помните, что простой народ держит колдунов за разносчиков вируса? Они действительно верят, будто магия – это болезнь, превращающая всех в сломанных кукол, подчиняющихся единственному желанию – мять окружающий мир, как бумажную поделку. Это маги поднимают могильных плясунов и общаются с горевестниками, только они понимают и толкуют их мерзкое карканье... А вы – сообщник, и, когда парень начнёт убивать, а он начнёт, ведь такова его природа, кровь, пролитая им, ляжет на вашу совесть. Если вы потащите моё дело в суд – я обязательно вас выдам. Если убьёте для того, чтобы забрать книгу – на вас самого падёт её тень. Кроме того, это будет превышением полномочий даже для вас.

О, вы только посмотрите, какой знаток кодекса законов выискался! Ричард взвился. Его природная горячность вкупе с обострённым чувством справедливости порой толкали его на такие и ещё более опрометчивые поступки, и он совершенно точно не собирался останавливаться. Если сволочей ничему не учить – они так и умрут подлецами, ворами, лжецами и негодяями! Конечно, шанс исправить всех этих мерзавцев был исчезающе мал – но никто не сможет обвинить Ричарда в том, что он даже не попробовал!

– Есть разница между тем, кто своими поступками пробуждает опасность для чужих жизней, и тем, кто эти жизни спасает! Человек может ещё решить, для чего употреблять свои способности, но ваша книга несёт в себе лишь зло, и ничего, кроме зла! – закричал он. – Даже не смейте сравнивать подобные вещи!

Хозяин рассмеялся, ничуть не впечатлённый риторикой своего оппонента.

– Если бы вы были постарше, вы бы поняли две очень важные и довольно простые истины. Первая – оно так не работает, вы или выполняете всё, что написано в скрижалях завета вашего короля, или не выполняете ничего. Если вы нарушаете одно правило, даже в самых благих целях – это будет означать, что вы готовы нарушить абсолютно любой пункт по собственной прихоти, и что все правила вообще не имеют для вас значения. Кроме того, этим вы подаёте отвратительный пример другим. Вы – смутьян и бунтовщик, а хорошие намерения являются таковыми лишь для вас одного... Вторая же истина заключается в том, что зла и добра вообще не существует. Самое чёрное и смертоносное заклинание вы можете обратить на пользу себе и своим целям. Если же вас беспокоят неизбежные сопутствующие жертвы... Что же, они случаются всегда, и, если вы к ним не готовы – вас слишком рано сделали придворным алхимиком.

Мальчишка жался и мялся в стороне. Он не смел произнести ни слова, но по выражению его лица отчётливо читалось, что данную конфронтацию он относит на свой счёт, что, если бы не его глупая ошибка – этого бы не произошло, Ричард не оказался бы в таком положении, вынужденный защищаться просто из-за того, что решил проявить милосердие.

Ричард сжал кулаки, ощущая себя бессильным и загнанным в угол. Он не имеет права даже врезать скотине промеж глаз, Его Величество был абсолютно прав – Ричарду стоит чаще сдерживать себя и сначала думать, а уже потом действовать. И даже этот человек, доброго слова не стоящий, прав – жертв не избежать, рано или поздно он, правительственный алхимик, опаснейшее оружие короля, захлебнётся в пролитой им крови.

– Вы пропагандируете здоровый эгоизм, я правильно вас понял? – тихо поинтересовался он, весь дрожа от едва сдерживаемой ярости.

– Именно так, юноша. В конце концов, у каждого из нас есть только он сам, и никто не позаботится о тебе лучше. Если же ты этого не сделаешь – будь уверен, никому недосуг заниматься тем, что не нужно даже тебе. Между прочим, будь уверен, твой король рассуждает сходным со мной образом. Не думаешь ли ты, что он отправит запретную книгу на костёр, когда из неё можно извлечь выгоду? Да он прочтает её от корки до корки и найдет чуму на всех несогласных с его политикой! Или, как минимум, велит это сделать своим доверенным пешкам. Может быть, даже тебе. Или ты рангом не вышел покамест?

– Нет! – в бешенстве возразил Ричард.

Да уж, ненадолго хватило его выдержки. Стыдно, ведь он отлично понимает, что его нарочно провоцируют. Да эта тварь же мечтает, чтобы Ричард совершил нечто неподобающее, настолько, чтобы его по возвращении в столицу сурово наказали или выгнали! Спас, называется... Хуже всего то, что Ричард отлично понимал – он поступил бы точно так же там, на площади, даже если бы точно знал, кого защищает. Просто потому что иначе не может.

– Простите, что вмешиваюсь, – флегматично проговорила Ишка, неторопливо вставая между ними. – Но, полагаю, проблема решается легко. Мы сами уничтожим эту вашу книгу, после чего больше не станем вам мешать. Надеюсь, вы не имеете возражений – то, что вы нашли, не должно существовать на свете. Рано или поздно оно поглотит вас же самого. Будьте благоразумны, пожалуйста.

Ишка могла бы и догадаться, что её призыв не услышат. Жадность влияет на людей поразному, но, в целом, почти всегда лишь отрицательно.

– Ом бон дом бол, ом бон дом бол, баррагбалом! – воздев обе руки к потолку, загнусавил речитативом их противник.

– Он читает призыв! – ахнула Ишка.

– Да уж, вижу! – отозвался Ричард.

Её стрелы неэффективны в настолько ограниченном пространстве. У него же не осталось ни одной быстродействующей руны – их придётся рисовать, а для этого нужно время, драгоценные минуты, которых у них обоих нет!

Чёрно-фиолетовые вихри то ли странного песка, то ли праха окружили фигуру хозяина особняка огромными дымчатыми спиралями. В помещении внезапно задули холодные ветра, в точности такие же, как в глубоких расщелинах далёких северных гор. Страх сковал всё тело Ричарда потусторонним, замогильным трепетом. Он стоял и дрожал, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни даже слова вымолвить. При этом он чётко сознавал, что ужас, захвативший над ним контроль, ему самому в обычном смысле не принадлежит – это внушённое со стороны, видимо, также последствие заклинания. Ричард знал классификацию магических проклятий – для того, чтобы снять одни, достаточно было понять принцип их действия, для других требовалось предельное напряжение воли... Оба варианта ему в настоящий момент ничем не помогали, так что оставалась лишь третья версия.

Смерть колдуна, применившего их.

Но Ричард вовсе не хотел снова кого-то убивать... Ему изрядно надоело, что все последние задания всегда заканчиваются одинаково – именно этим. Но, видимо, тут, как и в болотном храме, альтернативы ему не предоставили. Знак отделения души от тела чертился прямо в воздухе, для этого Ричард не нуждался ни в каких вспомогательных средствах... Но рисунок знака был, видимо, в противовес его стопроцентной неборимости, чрезвычайно сложным, и, если некоторые руны корректировали сами себя, здесь малейшая оплошность означала провал, а, следовательно, спешить было нельзя. Ричарду никак не успеть!

Вдруг, пока они с Ишкой искали оптимальный вариант защиты и не находили, мальчишка выскочил вперёд и взмахнул обеими руками, сложив из пальцев какие-то замысловатые фигуры. Нечто огромное и тяжёлое, однако, полностью невидимое, пронеслось в воздухе и

наотмашь ударило так и не закончившего призыв мужчину, впечатало в стену. Прижало к ней в позе распятия. Лицо мужчины исказила такая боль, словно ему внутренности скрутило в жгут.

– Ричард! – чуть ли не истерически взвизнул мальчик. Видимо, удерживать врага в подобном положении ему давалось с большим трудом.

И Ричард, прыгнув к захваченному в магический плен колдуну, начертил знак огня прямо у него на одежде. Не возясь с мелком – указательным пальцем правой руки. Палец – не мелок, след не оставлял, так что ему пришлось самому запомнить в точности каждую черту, нанесённую им на дорогую роскошную ткань.

Ричарда мучили неловкость и стыд из-за того, что вынужден нарушить данное Ишке обещание, но он обязан, просто обязан стать сильнее! Такая ситуация, когда их оказывается вынужден спасать кто-то посторонний, не должна больше повториться никогда! Ему необходимо стать сильнее в несколько раз за как можно более краткий срок! Он изучил лучшие приёмы всех ныне живущих в столице алхимиков, а на обучение у отшельников в горах ему придётся потратить как минимум десять лет, чего Ричард позволить себе не вправе, только не теперь, когда король нуждается в нём. Участившиеся случаи появления нечестивцев подтверждают, что скверна расползается по стране, словно передающаяся воздушно-капельным путём инфекция. Искусство сотворения зла становится всё более и более популярным, но не зря ведь говорят, что клин вышибают клином... Он прочитал и все книги по своему ремеслу во всех столичных библиотеках по тому допуску, что имел, и дабы повысить статус иполучить нечто новое, ему, опять же, надо сперва вырасти не менее, чем вдвое против нынешнего.

Поспешить! Ишка и мальчик скоро вернутся, того гляди – застанут его с поличным!

Не колеблясь более, Ричард распахнул древний фолиант на середине и вырвал одну за другой семь страниц. На толщине тома это не особенно сказалось – ещё бы, ведь их общее количество составляло очевидно более двух тысяч, – и он истово надеялся, что его манипуляций над собственностью нечисти и демонов не заметят. Сунув листы старой бумаги за пазуху, Ричард поволок всё остальное на двор, где Ишка уже сложила поленья. Притворяясь, будто ему безразлична гибель литературного шедевра древних тёмных чародеев, Ричард бросил книгу на них и начертил прямо на земле символ огня.

Небо у них над головами напоминало обожжённую глину. По этой пустой, иссохшей глади лениво ползли неповоротливые бесформенные тучи.

– Скоро пойдёт дождь, – обеспокоенно проговорила Ишка, вглядываясь в ту фантазматическую, что творилась ещё на некотором расстоянии от них, но понемногу целеустремлённо подползала к городу.

– Мы успеем, – без тени сомнения заявил Ричард и улыбнулся.

Ишка просияла ему в ответ. Она точно ни о чём не подозревала, и у Ричарда от сердца порядком отлегло... Впрочем, когда он перевёл взгляд на мальчика – на мгновение замер. Мальчик смотрел на него пристально, очень серьёзно и печально, как будто всё понимал, и ему не нравилось принятое Ричардом решение, но он по какой-то причине либо стеснялся возразить, либо не чувствовал себя достойным учить старшего. Этот паренёк, похоже, подмечал и знал гораздо больше, чем говорил, и, не будь он ребёнком, одиноким и нуждающимся в помощи, Ричард бы насторожился, заподозрив его в дурном умысле в долгосрочной перспективе

Впрочем, этот малыш мог оказаться абсолютно бесправной марионеткой в руках не сующихся на рожон взрослых. Ему ведь не обязательно самому придумывать какой-то сложный далекоидущий план, достаточно, чтобы за ним стояли хитрые и изворотливые, и в той же мере беспринципные, раз они пользовались ребёнком, личности. Весьма убедительная ведь легенда – мальчик с магическим даром без родителей, опекунов и вообще без присмотра разгуливает по чужому городу, где обязательно попадёт в беду раньше или позже. Как такого не приютить и

не обогреть? Другое дело – пославшие его были просто обязаны знать наверняка, что их пешку вовремя выручат, чтобы та успешно продолжила свою миссию... Но их с Ишкой поручение – сверхсекретное, Ричард попросту не представлял себе, как об этом хотя бы теоретически удалось разнюхать. И ладно даже разнюхать, слухами земля полнится, даже самые надёжные стены могут иметь уши, а потом обладатели этих ушей выгодно перепродают подслушанную информацию – но как успели-то? Как?! Ричард и Ишка поехали сразу, не задерживаясь в столице и ни на что не отвлекаясь по пути! А, кроме того, неизвестные, если таковые в принципе существовали, и его психологический портрет, похоже, составили, иначе откуда им было знать, что он не последует букве закона и сохранит пареньку жизнь? Казни он мага, даже самого юного и ещё невинного – никто и слова бы не сказал. Более того, для всех подобный поступок – не зверская расправа над несовершеннолетним, а избавление от мерзкого исчадия. Да будь тот хоть новорождённым – им было без разницы. Для людей в королевстве маги не являлись людьми, личностями, а представляли собой нечто среднее между чумными крысами, разносчиками заразы, и взбесившимися собаками, способными накинуться на любого. Многие верили, что дар – это на самом деле одержимость, что наделённые им не контролируют себя и ненавидят всех нормальных. Кроме того, они всерьёз допускали, что пакость легко подхватить, если маг хотя бы дотронется до любой твоей вещи. Алхимиков, впрочем, понимали ненамного лучше, но им нравилось, когда две группы неприкасаемых рвут друг друга. Чем больше истребят с обеих сторон – тем, мол, лучше. Именно поэтому Ричард не выдал бы этого мага, даже окажись тот в три раза старше – из солидарности отверженных. Они балансируют на грани, ежесекундно рискуя отступить и рухнуть в пропасть. Наличие способностей искушает поставить себя выше всех остальных, забыть о соперничестве, терпении и смирении. Воспитает ли Ричард его достойным подданным великой короны? Стоп, почему он рассуждает как отец или старший брат? У него нет гарантии возвращения из каждой новой поездки, куда уж тут нуждающегося в заботе и внимании беспризорника подбирать? Тем более, с его-то, Ричарда, неоднозначной репутацией даже среди других алхимиков. Многие не прощали ему, что он продался с душой и потрохами монарху, другие завидовали, полагая себя более опытными и достойными. Одни не понимали, как он может иметь доступ к казне и не запускать в неё руки, вторые осуждали за небескорыстность благородного служения во имя страны, третьи говорили, что он выскочка, присвоивший себе чужие труды и выбившийся наверх за их счёт, потому что подобный разгильдяй и строчки сам не напишет, не из-за тупости, но вследствие неусидчивости и поверхностности. Ричард игнорировал всех этих глупцов, но на приёмного сына неизбежно падёт тень сплетен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.